

УДК 327.7

DOI 10.25513/2312-1300.2019.3.166-174

Э. Р. Хайруллин

ВИШЕГРАДСКАЯ ГРУППА В СОСТАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ДИЛЕММЫ БЕЗОПАСНОСТИ*

Рассматривается опыт стран Центральной Европы, после окончания холодной войны, став независимыми в проведении внутренней и внешней политики, объединившихся в рамках Вишеградской группы и взявших курс на вступление в ЕС, чего успешно достигли в 2004 г. Обозначаются условия членства в интеграционном объединении, которые привели Вишеградскую четвёрку к противоречиям с Брюсселем: активизация внешнеполитической деятельности без согласования с ЕС, непринятие инициативы Брюсселя по регулированию миграции, усиление полномочий национальных институтов в ущерб европейской интеграционной стратегии. Делается вывод, что подобное стремление сохранить политическую самостоятельность затрагивало сферу военной, политической и социетальной безопасности стран Центральной Европы и влияло на содержание повестки безопасности Европейского союза.

Ключевые слова: Вишеградская группа; безопасность; Европейский союз.

E. R. Khayrullin

THE VISEGRAD GROUP IN THE EUROPEAN UNION: SECURITY DILEMMAS

After the cold war, the countries of Central Europe, united in the Visegrad group, became independent in domestic and foreign policy. They made a decision to join with the EU and they successfully achieved it in 2004. However, the conditions of membership in the integration body lead to contradictions in military, political and societal security between the V4 and Brussels. V4 intensified foreign policy activities without appropriate coordination with the EU, did not accept Brussels' initiatives to regulate migration, and increased the authority of national institutions to the detriment of the European integration strategy. The desire to save political independence affected military, political and societal security of the Central Europe and influenced the EU security agenda.

Keywords: the Visegrad group; security; European Union.

В 1991 г. представители Чехословакии, Польши, Венгрии подписали разработанное Вацлавом Гавелом соглашение о сотрудничестве и координации своего постсоциалистического развития. Это соглашение было началом создания Вишеградской тройки, а после распада Чехословакии – Вишеградской четвёрки (В4).

Изучение особенностей взаимодействия государств Центральной Европы в формате

Вишеградской четвёрки обусловлено их уникальным своеобразием. Общее историческое наследие стран и, как следствие, схожие черты современного общественного развития, внутренней и внешней политики, позволяют объединить их в единый особый регион Европы. Как отмечает Л. Н. Шишелина, «...говоря о Вишеградской Европе, мы имеем в виду не только и не столько региональную группировку – Вишеградскую группу...

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Европейского союза в рамках программы Эрасмус + Jean Monnet Module «Проблемы безопасности европейской интеграции». Номер проекта: 600161-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-MODULE. Содержание данного материала отражает мнение автора, и Европейская Комиссия не несёт ответственности за использование содержащейся в нём информации.

а своеобразный европейский регион, обладающий особыми традициями, ментальностью, отношением к самим себе, своим соседям и миру» [1, с. 7].

Сотрудничество, выразившееся в совместных политических шагах, культурном взаимообогащении, экономической кооперации, имеет давнюю историю. Ещё в 1335 г. в городе Вишеград состоялась встреча королей Венгрии, Польши и Богемии с целью, «говоря современным языком, решить “вопрос региональной безопасности” – рассудить спор между Польшей и Тевтонским орденом, а также попытаться урегулировать сложные польско-чешские взаимоотношения» [1, с. 13]. В последующем подобные встречи повторялись, что «часто преподносится как свидетельство установления регионального диалога на длительную перспективу» [1, с. 13].

Центральная и Восточная Европа, в отличие от Западной Европы, долгие столетия находилась под влиянием или под властью Австрийской, Германской, Российской империй. Традиции национального и государственного строительства подавлялись внешней силой. В этих условиях особое значение для выживания нации приобретает стремление сохранить свою самобытность, выраженную в традиции, языке, что позволяло избежать ассимиляции и укрепить национальное самосознание. Трепетное отношение к своей культуре, истории, ментальности стало национальной чертой народов Центральной Европы, которая помогла им сохранить себя.

После обретения независимости по итогам Первой мировой войны в регионе стали возникать идеи региональной кооперации. Историческое наследие – с одной стороны, и сложная международная обстановка – с другой стороны, стимулировали появление подобных идей. Однако «европейские державы, увлечённые большим проектом ПанЕвропы, отказались поддержать центральноевропейскую конфедерацию, основанную на планах Милана Годжи и его многочисленных предшественников – от Лайоша Кошшута до его антагониста Франтишека Палацкого, а также многих других региональных политиков и мыслителей, заменив их собственной прозападной системой Антант» [2, с. 11].

Короткий межвоенный период самостоятельного развития не позволил молодым

странам окрепнуть, а последующее вовлечение государств Центральной Европы в советскую сферу влияния лишь усилило чувство зависимости. Находясь в составе социалистического блока, страны региона предложили свой собственный, центральноевропейский путь развития, выступив в роли диссидентов. Но вольнодумие в условиях bipolarного противостояния было недопустимо, и попытки создания «третьего пути» неизбежно заканчивались трагедией.

С крушением социалистической системы страны региона вновь «обрели себя». Возродилась идея региональной кооперации, и «этой теме в 80-х – начале 90-х гг. были посвящены многочисленные издания, журнальные и газетные статьи, академические и политические дискуссии» [2, с. 11]. Именно в этот период и состоялось оформление Вишеградской группы. Но, находясь между усиливающимся Западом и нестабильным Востоком, страны В4 вынуждены были принять решение войти в состав западных структур, руководствуясь экономическими причинами и стратегическими мотивами, подпитываемыми в том числе и российской политикой. Как пишет Л. Н. Шишелина, «своими силовыми действиями в отношении Верховного совета президент Б. Ельцин поколебал веру европейцев в новую Россию. Страны, до тех пор державшиеся идей “центральноевропейскости”, т. е. возврата к региональным идеям первой половины XX в. и стремившиеся к роли моста между Востоком и Западом, активно застучали в двери ЕС и НАТО» [3, с. 9].

В 2004 г. страны Вишеградской группы вошли в состав Европейского союза, что привело к кардинальному изменению внутреннего и внешнеполитического развития Центральной Европы. В то же время подключение к интеграционному проекту не означало превращения В4 в объект влияния Брюсселя. В новых институциональных рамках Вишеградская группа сумела не просто сохраниться, но даже усилиться, проводя скоординированную политику отстаивания своих интересов в формате Европейского союза. Консолидированный Вишеград стал предлагать интегрированной Европе особый сценарий развития, основанный на стремлении сохранить свою самобытность. Вступле-

ние в ЕС и энергичное отстаивание собственных позиций изменило развитие интеграционного объединения, включая контекст безопасности как Вишеградской группы, так и самого ЕС.

Новая повестка дня стран Центральной Европы стала включать аспекты, лежащие в плоскости военной, политической, социальной безопасности.

Военная безопасность

Специфика военной безопасности определялась историческим наследием / памятью и географическим местоположением. Если историческая память является динамичным фактором, что предполагает известное переосмысление, а порой и сознательное умалчивание событий прошлого в зависимости от политической конъюнктуры, то география представляет собой статичный фактор, который нельзя изменить. Следовательно, объективная заданность пространственной локации государства делает её ключевым фактором для обеспечения военной безопасности.

Страны Вишеградской группы имеют богатый драматическими событиями опыт отношений с соседями. Однако, в силу политической конъюнктуры, исторические проблемы взаимодействия стран Центральной Европы с западными государствами в XX в., например «Мюнхенский сговор», венгерский вопрос как следствие Трианонского договора или нападение фашистской Германии на Польшу, не оказывали определяющего влияния на официальную позицию руководителей участниц В4 в отношении к странам ЕС. Предполагалось, что в новой, интегрированной Европе не будет места порокам политической фрагментации первой половины XX в.

Иначе дело обстоит с восточным соседом. Близость к Москве и неуверенность относительно будущего развития России, общая история строительства социализма и память о подавлении диссидентского движения формировали устойчивый политико-психологический фон недоверия. Вступление в западные структуры безопасности, НАТО и ЕС, сделало его более чётким и рельефным.

Однако степень этого недоверия среди стран В4 в отношении России всегда была разной. Особенно сильным оно сохранялось в Польше. «Прифронтовое» местоположение страны и насыщенная обидами и претензия-

ми история двусторонних взаимоотношений заставляют Варшаву проводить комплексную политику нейтрализации российской «угрозы».

Эта политика включает несколько элементов. Во-первых, в числе приоритетов Польши значится последовательная поддержка НАТО и стратегического союза с Вашингтоном. Как отмечает Л. Кулеса, «США занимают особое место в польской стратегической политике. Если обратиться к истории, идеализм президента Вильсона, участие Америки во Второй мировой войне, холодная война, объявленная коммунизму, и расширение НАТО – всё это показывает США как сторонника свободной и демократической Польши... По сравнению с США Европа имеет в истории главным образом неприглядный вид: она потакала Гитлеру, равнодушно взирала на сталинский режим, а в 1939 г. бросила Польшу на произвол судьбы. Сближение с США кажется более надёжной гарантией обеспечения безопасности...» (цит. по: [4, с. 45]). Примерами польской поддержки американских инициатив могут служить участие в иракской военной кампании 2003 г., в ходе которой Варшава, по мнению президента Франции Ж. Ширака, противника военной операции, «не использовала возможность промолчать», создание элементов американской системы ПРО, стремление разместить американские военные базы на своей территории, поддержка усилий США по укреплению Североатлантического альянса.

Во-вторых, важным проектом укрепления военной безопасности Польши и остальных участников Вишеградской группы является активная внешняя политика Европейского союза в отношении Восточной Европы. Польский министр иностранных дел Бронислав Геремек ещё в 1998 г. говорил необходимости формирования «восточного измерения» политики ЕС [5, с. 118–119].

Варшава не случайно выступила инициатором этого проекта. Ещё в межвоенное время Юзеф Пилсудский выдвигал идею «Межморья» – конфедерации государств, расположенных между Германией и СССР от Балтийского до Адриатического и Черного морей, целью которого являлось, с одной стороны, предотвращение доминирования Германии и России, с другой – усиление ро-

ли Польши в регионе. Черты этого проекта можно увидеть и в других региональных инициативах Варшавы, таких как «Содружество демократического выбора» 2005 г., Карпатская конвенция 2003 г. Но действительно европейским проектом «восточного измерения», проводимого в рамках ЕС при поддержке Брюсселя, следует считать программу Восточного партнёрства, направленную на создание «круга друзей» на постсоветском пространстве.

С геополитических позиций проект, автором которого выступила Польша и Швеция, направлен на расширение влияния ЕС на соседние территории Восточной Европы. В соглашениях об ассоциации, предложенных участникам-объектам, прописывается необходимость создания общего пространства безопасности. В частности, в украинском соглашении отмечается: «Во всех сферах, представляющих взаимный интерес, между Сторонами должен развиваться и укрепляться политический диалог. Это будет способствовать постепенной конвергенции по внешним вопросам и вопросам безопасности для всё более глубокого вовлечения Украины в Европейскую зону безопасности» [6]. Подобный сценарий создавал для Вишеградской группы «круг друзей», или зависимых в своём стремлении подражать ЕС государств, на востоке и позволял отвести российскую «угрозу» от своих границ.

В-третьих, Польша является активным сторонником региональной кооперации в военной сфере. Неслучайно первая встреча министров обороны в формате В4 прошла в польском городе Пшемьсле (в рус. традиции – Перемысле) в ноябре 1999 г. [7]. Первоначально военная кооперация была подчинена задаче координации действий в рамках НАТО, куда вошли три из четырёх стран В4, а также поддержке стремления Словакии вступить в альянс. В 2004 г., когда Братислава вошла в состав НАТО, интенсивность взаимодействия снизилась.

В конце 2000-х гг. военная кооперация стала усиливаться, импульсом к чему послужили Гентская инициатива ЕС и программа «умной обороны» НАТО, созданные с целью повышения эффективности военно-политического взаимодействия в условиях финансового кризиса [8]. Вкладом В4 в реа-

лизацию этих проектов стало, в числе прочего, учреждение вишеградской боевой группы под командованием Польши численностью 3 тыс. чел. Создание этого подразделения определялось как «самый значительный вклад в дальнейшее усиление возможностей быстрого реагирования ЕС... актив, который не только укрепит роль ЕС в кризисном регулировании, но также послужит движущей силой по развитию нашего потенциала и расширению сотрудничества» [9].

Указанные особенности военного развития приводили к существенным противоречиям с Брюсселем. Реализация программы Восточного партнёрства, в чем так сильно были заинтересованы страны В4, столкнулась с неожиданным для ЕС развитием ситуации на Украине, радикально ухудшившей региональную безопасность. Брюссель, не отказываясь от программы, сократил бюджет на её реализацию [10, с. 27]. Основная часть бюджета Европейской политики соседства была направлена на проведение программы Средиземноморского партнёрства, ставшего чрезвычайно актуальным в свете разразившегося миграционного кризиса, в разрешении которого прежде всего была заинтересована Западная Европа. Страны В4 не имели возможности активизировать восточное направление политики ЕС, что неизбежно приводило к усилению противоречий с Брюсселем.

Вишеградская группа пошла по пути реализации собственных региональных проектов, направленных на консолидацию стран региона и решение проблем безопасности. Наиболее резонансным из них стала центрально-европейская инициатива «Трёх морей», о которой было заявлено в 2015 г. Автором этого проекта была Варшава, а сама идея Триморья является «продолжением давней мечты польской элиты о лидерстве и об особой роли на Европейском континенте» [2, с. 27]. Содержанием инициативы стало укрепление связей в Центральной и Восточной Европе по линии «Север–Юг». В контексте безопасности её реализация была направлена на усиление экономической кооперации и достижение энергетической независимости стран региона, прежде всего от России, что тесно связывает Триморье с геополитическим проектом Междуморья Ю. Пилсудского.

Особое значение для участников, и особенно для Польши как инициатора проекта приобретала поддержка его реализации со стороны США. Заинтересованность Вашингтона связана с экономическими и стратегическими дивидендами: с одной стороны, усиление экономической кооперации, направленной, в том числе, на разрушение монопольного положения России в сфере поставок энергоресурсов, может создать широкий рынок сбыта американских энергоносителей; с другой стороны – инициатива Варшавы будет способствовать укреплению восточного фланга НАТО для усиления давления на Москву. Президент-бизнесмен Д. Трамп, посетивший саммит Триморья в 2017 г. в Варшаве, заявил: «Инициатива Триморья не только даст вашему обществу шанс на процветание, но и гарантирует вашим народам сохранение суверенности, безопасности и свободу от внешнего принуждения» [11].

События в Варшаве не остались без внимания в странах ЕС. Как отмечает Л. Н. Шишелина, поведение Трампа вызвало негативную реакцию А. Меркель, которая восприняла это «как игру на разделение Европы и Европейского союза» [2, с. 24]. Геополитические амбиции Польши и политика США представляли, по мнению немецкого канцлера, угрозу единству ЕС. Эта критика продемонстрировала разницу в проектах безопасности «старой» и «новой» Европы, прежде всего Польши, которая, окрепнув экономически и получая поддержку Вашингтона, начала проводить самостоятельную политику в отношении восточных соседей, не оглядываясь на Брюссель.

Следует отметить, что антироссийская направленность польской политики не получала активной поддержки со стороны партнёров по Вишеграду. Чехия, Словакия, Венгрия старались занять прагматичную позицию: умеренная поддержка инициатив Варшавы сочеталась с признанием интересов Москвы на постсоветском пространстве. После вступления стран в евроатлантические структуры, российский фактор перестал быть консолидирующей Вишеградскую структуру силой. Напротив, в отношении восточного соседа наблюдаются разногласия в подходах. Место «внешнего раздражителя», требующего согласованной реакции

всех стран В4, стала занимать политика Брюсселя.

Политическая безопасность

Страны Вишеграда после распада Организации Варшавского договора стали независимыми в проведении внешней и внутренней политики. Период образования В4, по мнению М. Джуринды, было временем, «когда наши народы вновь смогли (свободно) вдохнуть воздух свободы и решать свою судьбу и будущее» [12, р. 20]. Как отмечается в совместной Декларации Вишеградской группы и ФРГ по случаю 30-летнего юбилея бархатных революций, «народы Центральной Европы вновь потребовали свободы и демократических прав, так же как и возможности вновь соединиться с сообществом западных демократических стран» [13]. Для В4 был открыт путь «возвращения в Европу», одним из авторов которого стал глава первого правительства польских реформаторов Т. Мозавецкий [1, с. 166]. Идея возвращения в «родственную западную цивилизацию» [1, с. 255] превратилась в главный лозунг мирных трансформаций политических институтов будущих участников Вишеградской группы в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Её основным содержанием стала подготовка к вступлению в Европейский союз и НАТО.

Но не только идея «возвращения в Европу» мобилизовала общество. Проект возврата к национальному, столь быстро утраченному с началом Второй мировой войны, также спланировал жителей Центральной Европы. После пребывания в восточном блоке, где государственное строительство нередко определялось Москвой, появилась надежда на проведение самостоятельной политики, направленной на укрепление национальной и культурной самобытности, а не на реализацию коммунистического проекта.

С начала 1990-х гг. эти идеи звучали в унисон как альтернативы советскому влиянию. Затем, после распада социалистического блока и Советского Союза, проекты стали противоречить друг другу. «Возвращение в Европу» предполагало интеграцию с ЕС, что означает открытость общественных сфер для западноевропейского влияния и интернационализацию общественной жизни. Возврат к национальным корням, напротив, должен вести общество к воплощению соб-

ственных национальных идей, что противоречит открытости импульсам воздействия Западной Европы. Эта дилемма генерировала две противоречивые тенденции, лежащие в плоскости политической, социетальной, экономической безопасности: включение в интеграционный проект Европейского союза открывает возможность использования европейских стандартов, стандартов «победителей» в холодной войне, и позволяет надеяться на подключение к лидерам глобализационного процесса. Однако это же включение, в свою очередь, сопряжено с необходимостью перераспределения суверенных полномочий, столь ценных для Вишеградской группы, в пользу наднациональных структур ЕС. Необходимость следовать указаниям Брюсселя ставит под вопрос самостоятельность стран В4. Если до 2004 г. страны Вишеградской группы не акцентировали внимание на возможных проблемах обеспечения политической безопасности, то после вступления в ЕС желание защитить свой суверенитет становится одной из ключевых задач в общении с Брюсселем.

Отстаивание собственного пути развития стало важной составляющей политики стран Вишеграда в рамках ЕС. Особенно это касается Польши и Венгрии, крупнейших стран Центральной Европы. Эти государства нередко критиковались западными членами интеграционного объединения. Более того, ЕС запускал процедуру поражения в правах представителей этих стран. В частности, в Польше реформа Конституционного суда консервативной партией «Право и справедливость», желающей взять под контроль судебную власть в стране, привела к запуску санкционного механизма ЕС. Европейская комиссия, ссылаясь на статью 7 Лиссабонского договора, заявила о нарушении Варшавой европейских ценностей, в частности «главенства права» [14]. Ограничения предусматривают запрет дотаций ЕС и, более того, лишение права голоса в Совете ЕС [15]. Эта критика не воспринималась Варшавой, считавшей подобную практику вмешательством во внутренние дела, а претензии Брюсселя «политически мотивированными». Позицию Варшавы поддержал премьер-министр Венгрии В. Орбан, назвав политику Брюсселя «европейской инквизицией» [16].

Будапешт стал ещё одним примером давления со стороны ЕС. Политика Виктора Орбана была направлена на то, чтобы «внеести своё суверенное, национальное понимание в краеугольные документы страны – Конституцию, Закон о средствах массовой информации, положениях о судьях Верховного и Конституционного суда, о Национальном банке и т. п.» [17, с. 151]. Происходящие в Венгрии изменения воспринимались в ЕС как «конституционная деградация» [18, р. 30]. 12 сентября 2018 г. Европарламент одобрил доклад евродепутата Джудит Саргентини с перечнем примеров ухудшающейся обстановки в Венгрии, что приближает применение статьи 7 Лиссабонского договора [19]. Страны Вишеграда заявили о поддержке Будапешта, тем более, что обвинения, содержащиеся в докладе, касались и их государств¹.

Описанные сюжеты во многом определяют текущие отношения либерального Брюсселя со странами Центральной Европы. Тренд этих взаимоотношений становится всё более отчётливым. Как отмечает Л. Н. Шишелина, «со второго десятилетия XXI в. в среде стран, отказавшихся от части государственного суверенитета ради вступления в общеевропейские и евроатлантические структуры, начался процесс перераспределения полномочий с Брюсселем в сторону усиления позиций национальных парламентов и правительств, а также вишеградского региона в целом» [17, с. 151–152].

Социетальная безопасность

С позиций психологического восприятия интеграционный проект направлен на создание единого европейского общества, где европеец если не заменяет чеха, словака, венгра или поляка, то, по крайней мере, должен быть определяющей категорией в человеческом самосознании. Таким образом, национальная идентичность размывается региональной идентичностью. Для Вишеградской группы, побывавшей в составе империй и под давлением советской интернациональной идеологии, лишённой возможностей полноценного проведения национальной политики, а потому остро чувствовавшей необходимость стимулирования национального самосознания и национального сплочения в период культурной гомогенности глобали-

зации, проблема социетальной безопасности приобретала особое значение. Боязнь раствориться в европейском конгломерате народов и стремление сохранить политическую самостоятельность в европейском интегрированном сообществе укрепляли основы кооперации Вишеградской четвёрки и меняли повестку дня безопасности как членов В4, так и ЕС в целом.

Нападки ЕС в сторону Польши и Венгрии связаны были не только с реформированием государственных институтов. Критика касалась и их политики укрепления традиционных христианских ценностей, защиты национального языка, культуры, семейных устоев. Эти изменения стали возможными в связи с общей усталостью населения стран В4 от многочисленных реформ на пути в ЕС, в ходе которых оно столкнулось с давлением и высокомерным менторством Брюсселя, требующем адаптации к социокультурным реалиям Западной Европы. Консервативные партии уловили эти настроения и стали проводить политику, которая объективно способствует росту скептического отношения к западноевропейским проектам социально-политических и экономических преобразований.

Вопрос обеспечения социетальной безопасности особо обострился в период миграционного кризиса. Он стал тем фактором, который существенным образом сплотил страны Вишеграда. Центральная Европа выступила резко против брюссельской системы квотирования в распределении беженцев из Африки и Ближнего Востока, считая, что такая практика, говоря словами В. Орбана, приведет к возникновению «параллельных сообществ», живущих вне правового поля [20]. Будапешт заявил о строительстве стены на границе с балканскими государствами, Братислава обратилась в Суд ЕС. Польша и Чехия поддержали своих соседей. Вишеградская группа предложила свой проект решения миграционной проблемы, заключавшийся в укреплении внешних рубежей ЕС, предоставлении помощи приграничным к ЕС государствам для возврата мигрантов [21]. В4 выступает за распределение мигрантов строго по желанию членов ЕС на добровольной основе. Обязательное и автоматическое перераспределение, согласно их общей позиции, напротив, не решает миграционный

кризис, а провоцирует его дальнейшее развитие [22].

Следует учитывать, что для стран Центральной Европы острая фаза миграционного кризиса совпала с притоком беженцев из Украины, но «это обстоятельство Евросоюз стремился не замечать, предлагая Польше, Чехии, Венгрии и Словакии самостоятельно решать вопрос с размещением и обеспечением трудовых мигрантов из стран Восточного партнёрства и педалируя собственную проблему мусульманских переселенцев» [2, с. 90]. Отказ осуществлять решение Брюсселя стал ещё одной причиной санкционных процедур, в частности против наиболее строптивой Венгрии, возглавляемой В. Орбаном.

Таким образом, повестки дня безопасности ЕС и стран Вишеградской группы существенно отличаются. Брюссель вынужден реагировать на региональные инициативы Центральной Европы, касающиеся обеспечения военной безопасности, учитывать особенности национального развития и государственного строительства. Традиционные методы давления на страны Вишеграда оказались малоэффективными. Оказалось, что большинство населения склонно поддерживать своих лидеров в их борьбе за отстаивание национальных интересов в рамках интеграционного проекта. Это желание было продемонстрировано и на майских выборах в Европарламент, в ходе которых представители правящих партий в целом усилили свои позиции в Европарламенте². Следует ожидать, что повестка дня безопасности в ЕС будет меняться с бóльшим учётом интересов стран Центральной Европы, консолидированных в рамках Вишеграда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прежде всего это относится к миграционной политике В4.

² За исключением Словакии, где победила коалиция партий «Прогрессивная Словакия» и «Вместе», получившая 4 места в Европарламенте. Правящая партия «Курс – социальная демократия» получила 3 места.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л. Н. Шишлиной. – М., 2010. – 563 с.
2. Центральная Европа: политический портрет на фоне 100-летия / под ред. Л. Н. Шишлиной, М. В. Ведерникова. – М., 2018. – 240 с.

3. Шишелина Л. Н. Отношения России и стран Вишеграда на современном этапе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 6. – С. 7–13.
4. Кольцова Е. Г. Геополитическая мотивация вступления Польши в НАТО и Европейский союз // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 44–48.
5. Трещенков Е. В. Восточное измерение. Политика соседства Европейского союза: возникновение и эволюция // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 4. – С. 118–129.
6. Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским союзом по атомной энергетике и их государствами-членами, с другой стороны. – URL: <https://euroua.com/association/> (дата обращения: 23.03.2019).
7. Visegrad Group Defence Cooperation. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/visegrad-group-defence> (дата обращения: 20.06.2019).
8. Declaration of the Visegrad Group–Responsibility for a Strong NATO. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/declaration-of-the> (дата обращения: 23.03.2019).
9. Budapest Joint Statement of the Visegrad Group Heads of Government On Strengthening the V4 Security and Defence Cooperation. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2013/budapest-joint-statement-140929> (дата обращения: 31.03.2019).
10. Борко Ю. А. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. – М., 2018. – 70 с.
11. Read Donald Trump’s Remarks at the Three Seas Initiative Summit in Poland. – URL: <http://time.com/4846780/readdonald-trump-speech-warsaw-poland-transcript/> (дата обращения: 31.03.2019).
12. Dzurinda M. Fifteen meaningful years of Visegrad cooperation // The Visegrad Group – a Central European Constellation. – Bratislava, 2006. – P. 20–21.
13. Declaration of the Visegrad Group and the Federal Republic of Germany on the occasion of the 30th anniversary of historic changes in Central Europe. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/declaration-of-the-190208> (дата обращения: 29.04.2019).
14. Суслова Е., Братерский А. «Дотации кончились»: почему Польша ссорится с ЕС. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/12/20_a_11503526.shtml (дата обращения: 19.06.2019).
15. Алексеева Н. «ЕС придётся реализовать угрозы»: как попытки контроля над судебной властью могут подорвать позиции партии Качиньского. – URL: <https://russian.rt.com/world/article/540279-polsha-sud-reforma-evrosoyuz> (дата обращения: 19.06.2019).
16. Данилович Е. Орбан заявил о поддержке Польши в случае введения санкций ЕС. – URL: <https://www.dw.com/ru/a-39802325> (дата обращения: 19.06.2019).
17. Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран / под ред. В. Б. Белова. – М., 2018. – 204 с.
18. Garrido D. L., Castillo A. L. The EU framework for enforcing the respect of the rule of law and the Union’s fundamental principles and values. – Brussels, 2019. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/608856/IPOL_STU\(2019\)608856_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/608856/IPOL_STU(2019)608856_EN.pdf) (дата обращения: 19.06.2019).
19. Пудовкин Е. Почему будущее Венгрии в ЕС оказалось под вопросом. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/09/2018/5b9a23799a79476e9c6ad348> (дата обращения: 19.06.2019).
20. Премьер-министр Венгрии: беженцы в ЕС – это мусульманские захватчики. – URL: <https://regnum.ru/news/2364985.html> (дата обращения: 21.06.2019).
21. V4 Letter to the Prime Minister of Italy. Budapest, July 19, 2017. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/v4-letter-to-the-prime> (дата обращения: 19.06.2019).
22. Joint Statement by the Prime Ministers of V4 Countries on migration. Budapest, 19 July 2017. – URL: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/v4-declaration-on> (дата обращения: 19.06.2019).

Информация о статье

Дата поступления
21 июня 2019 г.

Дата принятия в печать
29 июля 2019 г.

Сведения об авторе

Хайруллин Эльдар Рафаилович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Article info

Received
June 21, 2019

Accepted
July 29, 2019

About the author

Eldar R. Khayrullin – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия,
Омск, пр. Мира, 55

E-mail: KhairullinER@omsu.ru

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077,
Russia

E-mail: KhairullinER@omsu.ru

Для цитирования

Хайруллин Э. Р. Вишеградская группа в составе Европейского союза: дилеммы безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 166–174. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.166-174.

For citations

Khayrullin E.R. The Visegrad Group in the European Union: Security Dilemmas. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2019, no. 3 (23), pp. 166-174. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.166-174 (in Russian).